

Вошел слуга, спешащий, как будто у него было срочное дело. Войдя в беседку, он огляделся и, опустив голову, постарался пройти незамеченным, быстро приблизившись к Чжэн Цзюньюю. Тот выпрямился, жестом отстранив слуг, которые пытались остановить посыльного. Слуга, запыхавшись, поклонился и тихо произнес:

— Молодой господин.

Чжэн Цзюньюю кивнул и холодно сказал:

— Разве ты не видишь, что я принимаю гостей? Что за невоспитанность?

Слуга съежился, оглянулся и тихо ответил:

— Прошу прощения, молодой господин, но у меня не было выбора. Министр Лю также сказал, что вы принимаете гостей в саду, и велел мне не беспокоить вас, но... но главный господин... Министр Лю был вызван к главному господину для обучения правилам в час Шэнь, и до сих пор не вернулся. Я беспокоюсь, но не могу пойти к главному господину, поэтому...

Чжэн Цзюньюю нахмурился:

— Разве я не говорил ему не беспокоить главного господина без причины? Что он сделал, чтобы разозлить его?

Слуга ответил:

— Ничего особенного. Недавно министр Лю пошел к главному господину, чтобы выразить свое почтение, и забыл нефритовый кулон в его саду. Сегодня он вспомнил об этом и послал кого-то забрать его. Это не было чем-то важным, но главный господин внезапно разозлился, разбил что-то и выгнал посланного, а затем приказал вызвать министра Лю к себе для обучения правилам. Это уже длится почти два часа, и министр Лю еще не ужинал...

Чжэн Цзюньюю прервал его:

— Ты сказал, что главный господин разбил что-то? Что именно?

Слуга замер, не ожидая такого вопроса, и через паузу ответил:

— Ну... говорят, что главный господин... он писал что-то и разбил все на столе... Молодой господин, министр Лю...

Чжэн Цзюньюю махнул рукой:

— Если главный господин велел ему учить правила, то, когда он выучит, его отпустят. Не беспокойся, иди.

Слуга хотел что-то добавить, но Чжэн Цзюньюю холодно посмотрел на него, и он, поклонившись, быстро ушел.

Ань Жубао слышал весь разговор. Он не хотел подслушивать, особенно разговоры о внутренних делах семьи, но он сидел слишком близко к Чжэн Цзюньюю, и их голоса не были приглушены. После ухода слуги к Чжэн Цзюньюю подошла группа людей, чтобы выпить с ним. Видя, что тот остается спокойным, Ань Жубао перестал обращать на это внимание.

Когда вино начало действовать, даже те, кто считал себя выше таких вещей, стали говорить

неразборчиво. Ань Жубао продолжал пить воду, делая вид, что ничего не слышит.

В этом мире, хотя и не было женщин, гер и мужчины внешне мало отличались друг от друга. Однако гомосексуальные отношения между мужчинами или гер были распространены, что было связано с дисбалансом в их количестве. В высших кругах многие аристократы держали красивых молодых мужчин для развлечения, что стало своего рода модой.

Ань Жубао, с его красивой внешностью и юным возрастом, был в самом расцвете сил. Его близость с Чжэн Цзюньюем уже привлекла внимание некоторых, но из-за уважения к последнему они не решались действовать. Теперь, под действием алкоголя, кто-то осмелел и, подойдя к Ань Жубао, невнятно сказал:

— Ну-ка, Ань... брат, давай выпьем... выпьем со мной, я позабочусь о тебе...

Говоря это, он смотрел на Ань Жубао, как будто приклеившись к нему, и его рука потянулась к руке Ань Жубао, лежащей на столе. Рука Ань Жубао, белая как нефрит, казалась еще более привлекательной при свете ламп. Но прежде чем он смог коснуться ее, его рука была схвачена.

Не ожидая, что его будут приставать, Ань Жубао схватил руку мужчины, его лицо стало зеленым от злости. Мужчина, слишком пьяный, чтобы понять это, подумал, что Ань Жубао флиртует с ним, и, не сдерживаясь, приблизил свое лицо, говоря:

— Ты... эта маленькая штучка... такая игривая, я...

Ань Жубао чуть не вырвало. Не дожидаясь конца фразы, он ударил мужчину ногой в бок, используя полную силу. Удар был настолько сильным, что мужчина отлетел на несколько метров, сбив по пути несколько столов и стульев.

От удара мужчина немного протрезвел, но боль не давала ему подняться. В ярости он закричал:

— Что за хрень! Думаешь, ты такой важный? Ты просто продажная шкура, не забывай, кто ты такой! Ты...

Его крик оборвался, когда он снова был отброшен ударом, на этот раз еще сильнее, и потерял сознание.

Чжэн Цзюньюй, убрав ногу, отряхнул невидимую пыль с одежды и спокойно сказал:

— Приведите господина Чэня домой и передайте его семье, чтобы он больше не появлялся в резиденции Чжэн и чтобы я его больше не видел. Идите.

Несколько слуг подняли господина Чэня и унесли его.

После этого слуги быстро привели в порядок столы и стулья, заменив упавшие блюда. Чжэн Цзюньюй пригласил всех продолжить пить, и остальные, скрывая свои эмоции, вернулись к веселью. Те, кто имел подобные мысли, как у господина Чэня, были напуганы и решили оставить их в прошлом.

Этот инцидент не испортил настроения гостям, и они продолжали веселиться до позднего вечера. Некоторые напились настолько, что заснули под столами. Чжэн Цзюньюй приказал слугам отвезти их домой.

Ань Жубао уходил последним. Чжэн Цзюньюй лично проводил его до ворот. Ань Жубао чувствовал себя немного виноватым за произошедшее, но Чжэн Цзюньюй лишь улыбнулся:

— Твой удар был отличным, угол и сила были идеальны. Я даже позавидовал. Таких людей нужно бить без сомнений. Если увидишь его снова, сделай то же самое.

Они обменялись улыбками, и Чжэн Цзюньюй вызвал повозку, приказав кучеру отвезти Ань Жубао домой. Проводив повозку взглядом, он вернулся в резиденцию.

«Юношеские забавы и блеск вечера подошли к концу».

Чжэн Цзюньюй, не желая, чтобы его сопровождали, пошел один по галерее в глубину усадьбы. Галерея освещалась только фонарями на углах, и ночной ветер, проходящий через нее, создавал ощущение перехода от шума к тишине. В сердце Чжэн Цзюньюя появилась легкая грусть. Он много выпил, и теперь, под воздействием холодного ветра, его голова начала кружиться.

Он покачал головой, продолжая идти, и, проходя через арку, вдруг увидел человека, вышедшего из тени. Тот подошел к нему и с заботой сказал:

— Цзюньюй, ты в порядке? Почему ты так много выпил? Я всегда говорил тебе, что заводить друзей — это хорошо, но нужно беречь здоровье. Ты никогда не слушаешь. Ты всегда заставляешь меня волноваться.

С этими словами он взял платок и хотел вытереть пот с лица Чжэн Цзюньюя.

Чжэн Цзюньюй отстранился, прищурившись, и долго смотрел на человека, полускрытого в тени, прежде чем спросить:

— Кто ты?

Человек изменился в лице:

— Цзюньюй, что ты говоришь? Ты так пьян, что не узнаешь меня? Я твой дядя Вэй.

Чжэн Цзюньюй наклонил голову, как будто вспоминая:

— Дядя Вэй? Какой дядя Вэй? Ах, да, вспомнил. Это министр Вэй.

Человек разозлился:

— Цзюньюй, я... я все же твой старший, ты... как ты можешь...

Чжэн Цзюньюй усмехнулся:

— Я позволяю себе? Нет, это ты позволяешь себе, министр Вэй. Ты просто министр моего отца. Кем ты себя возомнил? Хозяином резиденции Чжэн? Смешно. Хозяин резиденции Чжэн всегда был и будет только один — это моя мать. Знай свое место, министр Вэй.

Его слова, хоть и сказанные спокойно, были как нож в сердце. Человек замер, годами накопившаяся обида сжала его пальцы, и он не смог вымолвить ни слова.

1 Юношеские ветры и луна, роскошь кончаются, песня заканчивается, люди расходятся — всему свой час.

<http://bllate.org/book/16457/1493146>